КРОКОДИЛ

№ 33 • НОЯБРЬ 1975

— Так и запишите: на пятьдесят процентов даем продукцию высшего качества!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

А. ВИХРЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

ПЕНДЖИКЕНТСКАЯ БАЛЛАДА

Когда работящее среднеазиатское солнце еще таится, накаляясь, за окаменелой синей волной Зеравшанского хребта, Мирзо Княмов неслышно выходит из своего дома. В сумрачном мареве рассвета он седлает бывалый «газик» и привычной дорогой спешит на свидание к Ней.

«Газик» перемахивает через арыки, петляет по кукурузным полям, продирается зарослями лозняка, аллюром пересекает сухие рисовые чеки и застывает на самом обрыве, так что галька с шипением и скрежетом осыпается из-под колес вниз.

Там, внизу, лукаво бурча и посмеиваясь, сверкает по перекатам расплавленный хрусталь, именуемый рекою Зеравшан.

Гигантской гюрзой змеится Зеравшан с отрогов Памира, от высокогорных озер, ключей, снегов и, дробясь по пути на тысячи каналов, арыков, оросительных систем, обессиленная, умирает в бухарских степях, никуда не впадая.

Зеравшан — значит «несущая золото», и верно, находят золото в ее стремнинах; но все же точнее было бы — «несущая жизнь».

Мирзо слушает извечную бормотню речистой реки, но в усыпительной этой скороговорке чудится ему вскипающая злоба, глухая жестокость, грозное вероломство. Неделями и месяцами будет вот так убаюкивать Зеравшан беспечной своей болтовней — и внезапно, в считанные минуты яростно подмоет берег, расшвыряет, точно детские кубики, пятитонные бетонные тетраэдры, порвет, как паутинку, металлические сети из катанки в палец толщиной и кинется, клокоча, на рисовые чеки, чтобы пробурлить себе новое, угодное ей русло. И дрогнет рука у колхозного главбуха, откидывая на счетах тысячи, а то и десятки тысяч рублей чистого убытка...

Мы свыклись с темой: природа просит у человека пощады и милосердия. Здесь же человек должен ежечасно обороняться от природы, защищаться от стихии. Река взъерепенилась — тревога! — и люди схватываются с ней врукопашную. Неважно, где прорвало дамбу,— там или тут, неважно, твой или мой кишлак рядом, твой или мой колхоз, твой или мой район. Все в округе, кто может держать в руках оружие — штурвал бульдозера или лопату, лом или топор, все бросаются к реке. Женщины, дети, старики — и они вяжут хворост, носят камень, наращивают слой за слоем защитные береговые барьеры. Умельцы же тем временем лихорадочно воздвигают в аварийной зоне с е п а и — пирамиды из трех связанных наверху бревен, оплетенных понизу железной сетью, в которую загружается по сорок — пятьдесят тонн каменного балласта. Но, бывает, и сепаи не могут противостоять неистовству Зеравшана: обезумевшая река разметывает балласт и, крутя, уносит десятиметровые бревна, как спички...

Мирзо неспешно идет по дамбе, цепляясь наметанным глазом за малейший — для стороннего человека и вовсе не приметный — сбой в сложных отношениях реки и берега. Как будто все на месте. Но, стоп, что с этим сепаи? Чуть накренившись к реке, подрагивают бревна...

Председатель колхоза имени Карла Маркса Мирзо Княмов гнет железными пальцами железный прут, прикидывая, как надежнее скрепить им предательский сепаи с тетраэдром, и кричит шоферу:

— Всех сюда!

Рванув с места в карьер, «газик» скрывается в клубах пепельной пыли.

> Нет в этом мире радости сильней,
> Чем лицезренье близких и друзей.
> Нет на земле мучительнее муки,
> Чем быть с друзьями славными в разлуке[1].

* * *

Возможно, прогресс физики сильно притормозился бы, гуляй в свое время Исаак Ньютон в пенджикентском саду. Так подумал я, ощупывая собственное темя, по которому только что хрястнул, сорвавшись с ветки, полукилограммовый янтарный плод айвы. А бывают они тут и поболее килограмма...

[1] Цитируемые в репортаже стихи принадлежат перу уроженца кишлака Панджруд, Пенджикентского района, Абу-Абдулло Рудаки (IX—X век н. э.).

Плодоносны нивы и горные склоны Таджикистана даже в нынешнем засушливом году, когда за все лето — ни одной дождинки. На главной площади Пенджикента высится стенд, с которого смотрят на вас семьдесят юных лиц,— это школьники, лучше других убиравшие виноград в совхозе «Маргедар». Тут же, впрочем, и портреты их учителей, тоже занятых на уборке. Каждые десять дней, после подведения итогов соревнования, стенд обновляется, и новые победители сменяют экс-рекордсменов. Самых же лучших узнать легко — по самым выцветшим снимкам. И нескончаемо катят мимо стенда, словно салютуя ребячьему бескорыстному труду, самосвалы, груженные россыпями литого винограда.

Около шестисот пятидесяти гектаров занимают в Пенджикентском районе рисовые чеки. Наращивание урожаев риса, по-таджикски нежно называемого ш о л и,— поучительный пример и взаимной помощи и напористой состязательности здешних колхозов. В начале девятой пятилетки собрали в среднем по району 38 центнеров шоли с гектара, тогда как лучшие рисоводы колхоза «Ленинград», скажем, бригадир комплексной зерноводческой бригады Ахрор Кучкаров, получали по семьдесят центнеров с гаком. А в колхозе имени Карла Маркса едва дотягивали до тридцати центнеров. Были, были у «ленинградцев» какие-то секреты взращивания капризного злака...

Для рассекречивания методов Ахрора Кучкарова и его коллег организовали при колхозе «Ленинград» двухмесячную школу передового рисоводческого опыта. В школе прилежно занимались рисоводы всех других колхозов района. И вот сегодняшний экзамен: в среднем по району урожайность риса — 55 центнеров. Колхоз же имени Карла Маркса дерзко обошел всех: бригадир Умри Бобомуродов снял с гектара почти 75 центнеров.

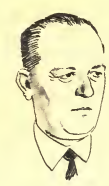
Деды-прадеды нынешних рисоводов огораживали свои единоличные поля глиняными заборами — дувалами. Прокаленные солнцем, пронизанные ветрами, насытившиеся азотом, дувалы — как, впрочем, и ветхие глинобитные кибитки, идущие на снос,— оказались несравненным живительным удобрением для рисовых чеков. Этот вековой сыпучий прах («другую землю») вносят щедро — до трехсот тонн на гектар, чтобы оплодотворить усталую почву чеков. И еще открылось: частые межи, разделяющие чеки, порастают высокой травой и кустарником, которые отбрасывают тень и охлаждают воду,— стало быть, чем шире рисовое поле, тем теплее будет вода, в которой нежится шоли. Да и сподручнее убирать комбайном раздольную ниву, нежели тесный двух- трехгектарный клин. И еще уяснилось: следить за уровнем воды на чеках и выдерживать за-

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Бор. ЮДИН

Сапоги, рояль и дрожжи

Есть предприятие одно
Промышленности местной.
Где размещается оно,
Нам точно неизвестно.
Лаборатория при нем,
И цех, и мастерская,—
Мудруют что-то день за днем
И что-то выпускают.
И есть у них, конечно, план,
А на расходы — смета.
И, сообразно их делам,
Тощает смета эта.
А денежкам ведется счет:
Куда истратить, ищут...
Но не освоены еще
Три с половиной тыщи.
Как не увидеть в том беду
И грозную примету,
Что этак в будущем году
Урезать могут смету?
А время мчится... Год к концу.
Не вынести обиды:
Какой конфуз! Им не к лицу
Финансы-неликвиды!
«Горим свечой!» — сказал замзав.



М. КИЯМОВ

К. ХАЛИЛОВА

У. БОБОМУРОДОВ

данную глубину с точностью до сантиметра надлежит не только днем, но и ночью. И еще многие другие тайны шоли выявились и четко огранились в «школьных» занятиях рисоводов.

Бригада Бобомуродова соревнуется с бригадой Мавлона Ахмаджанова — и побеждает. Почему?

— У наших дедов-прадедов было такое поверье,— говорит Умри Бобомуродов, пряча усмешку.— Когда сеешь, бросаешь зерно шоли, смотри, чтоб ни одно не попало в быка. То, которое отлетит от бычьего бока, ляжет в землю секундой позже других, стало быть, позже прорастет, а значит — позже других даст метелку... Шутливая, конечно, притча, но с большим резоном. Бригада Мавлона начала сев только на один-два дня после нас, и уже эта малость — одна из причин отставания. Ну, а еще возьмите в расчет разницу в тонкостях полива, в уходе за посевами, в способах внесения удобрений...

В общем, до того досхитрялся Умри, что на некоторых чеках получил по 84 центнера шоли с гектара, чем всерьез удивил даже патриарха пенджикентских рисоводов Героя Социалистического Труда Шафи Шарипова.

— Если у этого юноши так пойдет и дальше,— проворчал старый Шафи, отхлебывая из пиалы кок-чай,— то придется мне, пожалуй, подать в собес заявление об отставке от должности пенсионера.

Ешь сам и дай другим. Прекрасно то деянье,
Когда с другим свое ты делишь достоянье.

* * *

И все бежали к реке. Ревели и брякали доспехами бульдозеры, пылили трактора, спешили, как на пожар, седобородые и безусые, породненные общей тревогой. Все было брошено в секунду и без колебаний: булькающий в казане плов, недодоенная корова, недочитанная касыда Рудаки. Взъяренная река, подмывающая сепаи, была даже страшнее пожара: обуздание Зеравшана только колхозу имени Карла Маркса обходится ежегодно в двести тридцать тысяч рублей.

А там, на берегу, Мирзо Киямов стоял, упершись руками в грань бетонного тетраэдра, чуть не по колено в звенящей, плывущей, бесчувственной гальке, а тетраэдр, прикрученный проволокой к сепаи, шевелился и полз, как живой, к реке, и сепаи кренился все круче, как бы кланяясь раболепно всемогущей госпоже; и горький пот отчаянного, безмерного напряжения градом струился по лицу раиса.

Смотри, не опоздай, не медли ты несмело,
Иди, с усердием свое ты делай дело!

* * *

Не рисом единым живет многоотраслевой колхоз имени Карла Маркса, и вот динамика: за пятилетку виноградники расширены на полсотни гектаров, сады — на восемьдесят, да еще столько же пойменной земли — 80 га — отбили, отстояли, отобрали у свирепого Зеравшана. Яиц сегодня получают здесь в три раза больше, чем в первый год пятилетки, молока — примерно на тысячу центнеров больше.

Хрупкая, застенчивая женщина с мягкой улыбкой — доярка Кузигуль Халилова. Она входит в комнату, блистающую импортным кабинетным гарнитуром, ставит на стол блюдо винограда и, скромненько сложив руки, присаживается на стул. Что главное в ее успехе — в том, что она надаивает по четыре с половиной тысячи литров молока от каждой коровы, тогда как средний надой по ферме — 3300 литров? Кузигуль отвечает не сразу, но когда она начинает говорить, мы понимаем: главное — это чтобы не было ничего второстепенного.

Иные доярки задают корове корм: вот тебе твоя порция, а я пойду по своим делам. Кузигуль к о р м и т корову: дает понемногу и следит, чтобы все было съедено. Кузигуль дотошно изучает характер каждой своей подопечной и сообразует с ним режим кормления и поения, ухода и дойки. Кузигуль проведет одну, и две, и три ночи возле коровы, если та занемогла или решила отелиться. В общем, Кузигуль чувствует, понимает и знает коровью натуру куда тоньше, чем нутро «Москвича», подаренного ей Ленинабадским облисполкомом.

Сейчас Кузигуль Халилова соревнуется с Сангиной Касимовой. Споровисто работает Сангина и по темпам роста надоев даже норовит опередить Кузигуль, но колхозное первенство все-таки держит она, Кузигуль. И пятилетку свою она выполнила за четыре года.

В десятой же пятилетке видится новый взлет. И все идет к тому: строится кормоприготовительный цех, механизируются коровники. Правда, тут пока что больше поводов для досады, чем для ликования. Межколхозстрой начал воздвигать кормоцех в январе прошлого года, а конца этому возведению еще не видно. Сушилки и измельчители, наверное, хороши, но смонтировали их так, что подъехать к ним на тележке с сеном нет никакой возможности; придется, видимо, переделывать. «Сельхозтехника» пообещала механизировать в нынешнем году три коровника, однако вряд ли справится даже с одним...

Наша хозяйка встает, заслышав призывное коровье «му-у», смысл которого понятен ей одной. Ферма тут же, рядом с этой комнатой — приемной комнатой депутата Верховного Совета СССР, орденоносца Кузигуль Халиловой.

Много читает коммунист Халилова книг и журналов по животноводству, но все-таки самое интересное — страницы лет и строчки дней, проведенных здесь, на ферме.

Тех, кто, жизнь прожив, от жизни не научится уму,
Никакой учитель в мире не научит ничему.

* * *

И на этот раз люди одолели слепое буйство реки. Выровняли сепаи, укрепили дамбу, заделали бреши в береговой линии. Давно уже стемнело, и загадочная согдианская луна лениво плескалась в расплавленном хрустале Зеравшана. Пенджикент засыпал.

Спал и шофер председательского «газика». Раис сам сел за руль. Он миновал виноградники и кукурузные поля, пересек по рисовой стерне сухие чеки, продрался через лозняк и тормознул на самом краю обрыва, так что галька с шипением и скрежетом осыпалась из-под колес.

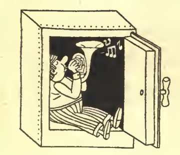
Мирзо Киямов прошел по всей дамбе, вглядываясь и вслушиваясь. Побежденная река угрюмо ворчала. Раис прищурился и вдруг явственно увидел строгие контуры бетонного коридора, в котором она шумит мирно, замкнутая и укрощенная навеки. И так будет, подумал он.

Он сел в «газик» и с легким сердцем пустился в обратный путь — домой. Он знал, что теперь сможет заснуть. Если б не поехал проведать реку — не смог бы, а теперь на душе спокойно.

На мир взгляни разумным оком,
Не так, как прежде ты глядел.
Мир — это море. Плыть желаешь?
Построй корабль из добрых дел.

г. Пенджикент.

Сказал главбух: «Поплачем!»
«Закупим все!» — сказал завснаб.
Сказал завскладом: «Спрячем!»
В поход! — решимости полны...
Всё — для спасенья сметы!
И мигом приобретены
Нужнейшие предметы:
Сто пар охотничьих сапог
Для путешествий дальних...
И не простых притом сапог,
А «экспериментальных».
Рояль — каскад мажорных гамм,
К нему — валторну тоже,
Чтоб испытать, в чем
«шум» и «гам»
Различны или схожи.
Пивных дрожжей цистерну, чтоб
Постичь эффект броженья...
И «невропсихдефектоскоп»
Для самовыраженья.
Победа! Смета спасена.
Трудились на пределе,



Работа все-таки видна,
Раз денежки при деле.
Теперь, небось, похвалят нас...
Но, как ударом грома,
Начальство, рассмотрев баланс,
Решило по-иному:
«На всех виновников — начет!» —
Такое предписанье.
«А что закуплено — не в счет,
Пусть пользуются сами!»
Замзав рояль увез домой,
Терзают уши звуки...
Жена рыдает: «Боже мой!
За что такие муки?»
Главбух мрачнеет с каждым
днем:
В субботу и во вторник,
Все проклиная, перед сном
Играет на валторне.
Завснаб забрал сто пар сапог
Себе, жене и теще.
Жена почти лишилась ног,
А теща стала тощей.
И, покорившийся судьбе,
Не в силах оправдаться,
Завскладом дрожжи взял себе:
С похмелья пригодятся.
И уложил в комод, как в гроб,
Свой «невропсихдефектоскоп».

Мораль: суровый тот урок
Им не забыть до смерти,
Что надо деньги тратить в срок
И так, чтоб был от денег прок.
Не верите? Проверьте!

— Маша, не волнуйся, кончится инвентаризация, снова принесу все домой.

Рисунок
Г. АНДРИАНОВА

—: . . . . !
—: . . . . !
(Из разговора в автобусе).

КЛУБ НЕИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Мы живем в эпоху клубов. Своего рода клубы действуют ныне и в ряде дворов. Но не при жэках, а, так сказать, при вязах, при березах, при тополях. Стол, сбитый из нескольких досок, да пара скамеек — вот и вся нехитрая меблировка клуба. Домино — это скорее для прикрытия, истинное хобби собирающихся здесь мужчин — мат. Тут происходит обмен выражениями различной этажности, совершенствуется и обогащается арсенал неприличных слов.

Процветанию таких клубов способствуем мы сами, относясь к сквернословию как к невинной шалости. Слишком часто мы забываем, что оскорбление слуха граждан — это, по сути дела, оскорбление человеческого достоинства. Что это — деяние, наказуемое как мелкое хулиганство.

— Много ли матерщинников наказывается по всей строгости закона? — спросили мы у председателя московского областного суда Н. П. Макаровой.

Вот что ответила Наталья Павловна:

— За матерщину в чистом виде мы осуждаем крайне редко. Я, например, такого дела не припоминаю. Граждане, сталкиваясь в общественных местах со сквернословами, сплошь и рядом проявляют поразительную терпимость к ним. В органы правосудия обращаются лишь в тех случаях, когда возмутители спокойствия распускают не только язык, но и руки.

Уже около трех лет терпят жители московского дома № 93 по Измайловскому проспекту вторжение в их предутренние сны грубой погрузо-разгрузочной действительности. Только тут уже ругаются под государственной вывеской «ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БАЗА № 15, МОСГОССНАБПРОДТОРГ».

Всмотримся в эту вывеску. В ней нет и намека на то, что база № 15 должна прививать спящему населению ругательные навыки. И тем не менее водители съезжающихся сюда ранним утром грузовиков считают своим долгом выкладывать все свои познания в данной области.

Кто-то не так поставил машину, загородив проезд другому, кому-то не отпускают товар, кто-то норовит подъехать вне очереди — реакция однотипна: почти каждый осыпает друг друга ругательствами, зычными, надрывными, злыми.

Сквернословие просочилось и в быт интеллектуалов. Люди, имеющие высшее образование, ругаются, конечно, более утонченно, изысканно, нежно. Тут мы сталкиваемся, можно сказать, с высокой культурой сквернословия.

В строгой кабинетной тиши или, утопая в мягкой домашней мебели, человек образованный вяжет кружева нецензурщины спокойно, не перетруждая голосовые связки. Плавно течет беседа, участники которой демонстрируют энциклопедическую осведомленность в самых различных областях познаний, гибкость ума, богатую лексику. Но, видно, кажутся приторными все эти умные речи, если не вплетать в них соленые словечки. Врежешь что-нибудь этакое и чувствуешь себя не благородной девицей, а ядреным, проперченным, прокуренным мужиком. Пикантная нагота подзаборных словечек терпко диссонирует с гладким интеллигентским словопарением, как необработанная коряга, прихваченная из лесу за отдаленное сходство с осьминогом,— с полированным сервантом.

Вездесущи грязные словечки — мы слышим их то там, то здесь, на улицах и во дворах, во всех видах транспорта. Больше того, мы привыкли их слышать и порой относимся к ним с этакой философической невозмутимостью: дескать, что поделаешь, тысячелетнюю привычку за десяток-другой лет не искоренишь. Пройдет, может быть, век, пока люди вытравят из памяти эту мерзость.

В связи с такой ожидательной доктриной хочется заметить: время, конечно, целительная штука, но зачем же делать вид, что у нас нет ушей, которые вянут от словесного хамства, и языка, который вполне пригоден для одергивания не стесняющихся в выражениях субъектов? Или мы так и будем, сталкиваясь со сквернословами, скажем, в трамвае, уподобляться заспиртованному земноводному и немигающими глазами смотреть в окно на изученные до мельчайших подробностей окрестности? Обретем ли мы, наконец, слух, речь, зрение и естественную гневную реакцию на гнусные словесные отправления?

Фельетонист

В АТЕЛЬЕ

— Вынеси им заказ, они тебе пикнуть не посмеют...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

МИМОХОДОМ

Не всякое пустое место следует считать вакантным.

Если ларчик открывается просто — значит, он пуст.

ДАНИЛ РУДЫЙ

«Ему не хватает глубины»,— сказал критик, закапывая чей-то талант.

Иметь слабости — право сильного.

О. СЕИН

Модно не то, что вам идёт, а то, что до вас не доходит.

Легче самому стать начальником, чем попасть к нему на приём.

Л. СУХАНОВСКИЙ

— Соседи для передачи опыта обещали приехать...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Вл. МИТИН, специальный корреспондент Крокодила

И никаких делов!

Директор совхоза «Лавровский» сидел в своем административном помещении и размышлял. Будучи стойким материалистом, директор в какой-то мере все-таки жалел, что чудес на свете не бывает... Как вдруг у порога возник осанистый мужчина с орлиными глазами и в огненной плисовой жилетке. За пояс его был заткнут топор.

— Не надо ль чего построить, батя? — вскричал незнакомец, рекламно поигрывая топором.— Чик-чик!

— Надо,— сурово отвечал директор.— Ох, как надо...

— Так давай же! — обрадовался плисовый мужчина.— Деньги на бочку, и никаких делов. Что надо-то?

— Комплекс,— зажурился директор.

— Чего? — не понял пришелец.

— Комплекс, говорю. Животноводческий. На восемьсот высокопродуктивных коров. Четыре модернизированных скотных двора. Два новейших телятника на 288 животных. Специальный кормоцех, бойлерную...

— Баню или клуб,— струхнув, сказал мужчина с топором.— Это мы можем...

— Баню! — презрительно продолжал директор.— Ты бы еще сказал — курятник. Лабораторию можешь? Очистные сооружения с фильтрами?

— Сарайчик бы,— мычал мужчина, пятясь к выходу.— От зари до зари...

— Механизацию всех трудоемких процессов — способен? — наступал руководитель совхоза.— То-то... Изыди отсюда, шабашник! Не твоего ума это дело!

* * *

Ах, затевая строительство вышеописанного объекта, и директор «Лавровского» и объединенная дирекция строящихся животноводческих комплексов (в дальнейшем именуемые Заказчиком) не подозревали, что их ожидает...

Опустим в вечность, не описывая, двухлетние мытарства с выбором места и выклянчиванием проектных альбомов в организации с косноязычным именем «Севзапгипросельхозстрой». Забудем тяжкое вокзальное сидение в инстанциях при решении вопроса: кто будет строить?.. Было, наконец, решено: строить «Псковсельстрою». Ладно. Даже ободрял факт, что субподрядчиками треста оказались такие индустриальные киты, как, скажем, Минэнерго СССР. Или, допустим, Министерство связи СССР... А союзный Минмонтажспецстрой и Минавтошосдор? Радовался Заказчик, мысленно потирая руки. Вот это будут дела!..

И когда в чистом поле близ «Лавровского» завиднелось уже нечто, действительно напоминавшее каркас больного кита, выброшенного на сушу, в кабинет Заказчика взошел мужчина из ПМК-376, поигрывая монтажной лестницей. Вздрогнул Заказчик, чуя недоброе. И правильно почуял.

— Шабаш, однако, хозяин,— заявил гость, красноречиво кладя лестницу на пол.— Мы данный комплекс далее монтировать без крана не можем. Нам стройматерьял разгружать, а крант у нас только один...

— Миль пардон! — взвился Заказчик.— Тысяча извинений. Такого уговору не было, чтобы мы вам обеспечивали краны...

— Все равно,— согласился пришелец.— А строить дальше не можем. Потому как вместо ста пятидесяти рабочих у нас их всего половина...

И на этом строительство замерло. Как безбилетник при входе контролера в автобус.

Кинулся Заказчик на поиски рабочей силы, привел студентов из строительного отряда. И уж начали они как бы сооружать, когда в походный шатер Заказчика зашел еще один мужчина. То был сантехник из СПМК-839. Он поигрывал ключом (разводным). Содрогнулся Заказчик, раздумывая, не пасть ли ниц и куда усадить сановного визитера.

— Мы постоим,— капризно сказал сантехник.— И работы также приостанавливаем. Нету у нас орудия для пробития дыр в воздухораспределителях...

— Миллион извинений,— сокрушился Заказчик.— Я сейчас же пущу толкачей в разные города, хотя это и не наше дело.

— Все едино! — взмахнул ключом визитер.— У меня на монтаже людей нету. Для нас, может, более важные объекты есть, которые пущать надо...

Так комплекс не строился, и все тут. Ибо в разное время и по всяким поводам заходили к Заказчику самые различные мужчины, женщины и даже почти дети. И все как один останавливали дальнейшее производство работ.

«Сельхозтехника» покинула созидание за неимением кадров. ПМК «Сельэлектросетьстроя» бастовала по причине отсутствия электриков. Трест «Связьстрой» объявил шабаш из-за нехватки проводов. И так далее...

— Вот, дождались,— отчасти злобно говорил в своем шатре Заказчик, то и дело разворачивая газету «Псковская правда».— Как вам понравится такой заголовок: «Сдадут ли комплекс в срок?» А этот, леденящий: «На точке замерзания»? Или вот: «Без должного настроя». Брр...

Да и в самом деле, какой мог быть настрой, если ни один объект комплекса готов не был и царила на стройке словно бы мерзость запустения... И свирепствовал в объектах арктический хлад по причине недооборудования котельной и теплотрассы.

В целом ни один субподрядчик не выполнил своих работ как по монтажу, так и по отделке. Как по линии оборудования, так и в плане подачи энергии. И верно писала местная пресса: «Особенно подвела всех СПМК-839. По ее вине не закончен монтаж в телятнике и кормоцехе. Не позаботились о проверке дымососов. Не справились также специалисты «Сельэлектросетьстроя» и «Сельхозтехники».

* * *

И когда сидел, подперши голову руками, директор «Лавровского» в помещении и серьезно жалел, что нет строительных чудес в повседневной жизни, дверь помещения растворилась. На пороге вновь стоял мужичище в жилетке и с топором.

— Ну, как, папаня,— стыдясь, вопросил он,— не дашь ли чего построить? Вкалывать будем со своим матерьялом. Ты знай только деньги плати...

— Ты кто будешь конкретно такой? — встал руководитель во весь рост.— «Севзапсовхозмонтаж»? А может, ты СМУ «Бурводстрой» Министерства мелиорации и водного хозяйства? Или Минстрой СССР?

— Шабашники мы,— тоскливо ответствовал мужичище, отступая к выходу.— Полный световой день...

— То-то! — надвигался директор.— Ты знай свое место! У меня, может, шестнадцать субподрядчиков трудились, да какие! Новгородское управление КИП и автоматики! Даже «Союзантисептик» Министерства промышленного строительства! И «Ленэнерго»! И те не выдюжили...

— Зато, хозяин,— страстно выкрикнул мужичинище уже из двери,— ты с меня спросить можешь! Рублем меня наказать!.. А этих своих подрядчиков чем накажешь?..

И в самом деле — чем?

Псковская область.

Стенка на стенку

На Магнитогорском метизно-металлургическом заводе придумали неплохое дело: чуть ниже возвышавшегося на горе сталепроволочного цеха построить шурупный цех. Придумали и начали рыть яму.

— Это что,— испугался сторож,— под сталепроволочный цех подкоп делаете?

— Не подкоп, а котлован для фундамента шурупного цеха,— пояснили строители.— Шурупы, сам знаешь, как нужны.

— Так в эту яму цех свалится!

— Иди отдыхать, старый, а то, чего доброго, накаркаешь! — отмахнулись строители.

А неугомонный сторож опять свое:

— Караул! Цех ползет!

Дед, правда, несколько преувеличил. Но прибывшая комиссия отметила, что сталепроволочный цех и в самом деле находится под угрозой обвала.

И тогда возникла спасительная идея: поставить временную опорную стенку из металлического шпунта, которую потом заменить на железобетонную. Забили шпунт и опять принялись за рытье.

— Снова подкоп делаете? — раздался панический возглас сторожа.— Гляньте, сейчас упадет ваша временная стена из металла!

Во избежание аварии временную стену срочно укрепили такими же металлическими подпорками...

Наконец капитальная стена из бетона была благополучно закончена, и довольные собой строители ушли.

— Хе-хе! А временную стену разобрать позабыли! — подвел итог сторож. — Гляньте, сколько металла в землю закопали! Тонны шурупов из него нарезать можно...

А. СМИРНОВ.

г. Магнитогорск.

Люк для нервов

Читатель И. Женов из города Новомосковска, Тульской области, утверждает, что в его городе обитают водители с самыми крепкими нервами, и для подтверждения своих слов прислал фотодоказательство:

Теперь представьте, что вы управляете мотоциклом и мчитесь со скоростью 60 км в час по основной трассе через Новомосковск от дома отдыха во Дворец культуры—по трассе, где вот уже два года действует этот открытый люк...

Нет, лучше не надо!..

М. АЛЕКСЕЕВ.

Синий «Снежок»

Какого цвета снежок? Кажется, он всегда был белым. Правда, последнее время в связи с теплыми зимами снежный колер меняется.

— Тем лучше,— решили на кондитерской фабрике имени Бабаева.— Будем лепить с натуры.

И понеслись с конвейера белоснежные конфеты «Снежок» в объятия оберточных фантиков.

Разворачивает сластена такую конфетку и обнаруживает... синюю карамель.

— Дальтоник,— скажете вы.

Но нет, уже и руки и губы отливают синевой.

— Да, да, знаем, знаем! — говорит начальник производственного отдела фабрики В. Р. Павлова.— Это краска такая нынудышная попалась. Да еще, как назло, летом дождики помогли — конфеты и отсырели.

Оказывается, погода виновата и здесь!

Дм. СУКОНЦЕВ.

Еще о полуфабрикатах

С такой формой обслуживания вы, конечно, знакомы. Скажем, заходите в магазин кулинарии, покупаете набор сырых овощей для супа или нежареных котлет, а придя домой, варите супчик, жарите котлеты. Естественно, добавляя по вкусу масло, специи, простой или сложный гарнир.

Существуют еще полуфабрикаты одежды. Это когда в ателье вам предлагают незаконченные вещи — брюки, костюм, платье... Выбирайте, что вам по душе — и тут же все это подгонят по фигуре, подрежут, подошьют...

А вот о полуфабрикатах-домах, вероятно, мало кто слышал. Их немного, но они есть. Такой дом вы можете увидеть, например, в городе Виннице на Киевской улице, № 8. Им бы, кажется, только любоваться — так хорош этот девятиэтажный красавец с пестрой веселой облицовкой. Только зайдя в дом, вы понимаете, что это полуфабрикат. Хотя заселен он в апреле сего года, здесь многое еще требует доделки: стены только загрунтованы и мечтают о побелке, дверные коробки не укреплены, балконные двери без шпингалетов и посему забиты гвоздями, в одних квартирах отсутствуют умывальники, в других — смесители. Не действуют мусоропровод, лифт...

Новоселы обращались к строителю-изготовителю дома — филиалу Московского проектно-строительного института. Но там дали понять, что полуфабрикат — это изделие, нуждающееся в окончательной доработке, и что такую доработку жильцы могут свободно произвести и сами...

В. СИНЦОВА.

Цена вежливости

Приятно иметь дело с воспитанными людьми. Обращаются, положим, они к вам с просьбой — и тотчас же хочется ее выполнить. Именно это и имели, вероятно, в виду работники флюорографического кабинета Вольского горздравотдела, направляя письма-приглашения.

«Уважаемый товарищ! — вежливо писали они.— Приглашаем Вас и членов Вашей семьи явиться на обследование...» Но тут же «уважаемого товарища» ставили в известность, что если ему вздумается увильнуть от приглашения, то он поплатится за это штрафом — от 10 до 25 рублей.

«Ну что ж,— подумали жители города Вольска, Саратовской области, получившие письма-приглашения,— все должно иметь свою цену, даже вежливость. Ведь недаром еще знаменитый испанский писатель Сервантес говорил: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость».

И. СОЛОВОВА.

Проделки нечистой силы

На центральной усадьбе совхоза «Труженик» в Уральской области орудует нечистая сила. Ополчилась она, естественно, на совхозную баню, ибо известно, что ежели эту нечистую силу как следует отмыть, то она теряет все свои дьявольские качества.

Построили пять лет тому назад в совхозе новую баню. Нечистая сила тут как тут. «Построили — теперь начинайте ремонтировать»,— сказала она. Через пять лет беспрерывных ремонтов баня, к радости той же нечистой силы, развалилась. В марте этого года началось строительство новой. Только было возвели коробку, как нечистая сила снова тут как тут. На этом строить бросили...

Но самое удивительное, как всегда, оказалось рядом. Рядом с домом совхозного прораба стала расти-произрастать персональная банька из материалов, крепко смахивающих на те, из которых сооружалась баня общественная. Полторы тысячи жителей центральной усадьбы ждут-пождут, когда и с этой баней нечистая сила сыграет какую-нибудь злую шутку. Ан нет, растет банька! Видно, прораб заветное слово знает. Для такого, конечно, любая нечистая сила — пшик!

И. ЧЕРВЯКОВ.

Очевидное — невероятное

В век научно-технической революции каждый норовит попользоваться благами цивилизации. Вот, к примеру, эдучанцы, которые живут и работают в поселке Эдучанка, Усть-Илимского района, Иркутской области. Любят они порой поговорить по телефону. Нападает на них когда такая блажь.

Скажем, надо позвать доктора. Срочно. А время позднее, медпункт не работает, остается только звонить врачу на дом. Набирает эдучанец номер — ни тпру ни ну. Второй раз, третий, десятый — с тем же эффектом. Тогда эдучанец натягивает валенки и пилит три километра трусцой. Барабанит в дверь: мол, просим прощения, звонили вам по телефону, но...

— И зря,— отвечает доктор,— наказанный я. Замотался, понимаете ли, и просрочил плату за телефон на пять дней. И по установленным правилам мне его отключили. Ну, я, конечно же, сразу за все заплатил и штраф внес два рубля, но теперь работник АТС не знают, как мой телефон обратно включается. Их квалификация только до выключения дошла. А обратную операцию производит инженер из Усть-Илимска. Его уж неделю ждут...

Вот такая, понимаете ли, НТР. Такое вот очевидное, извините, невероятное.

М. К.

Смотри внимательно, пилот!

С незапамятных времен улица Кольцова в Томилине, Московской области, сидит без воды. За водой отсюда бродят далеко: через железнодорожные линии, подвергаясь штрафу за хождение по путям, пробираются также на параллельные улицы имени прочих великих писателей. Крадутся караваны граждан, обвязав для ликвидации предательского лязга и бренчания пустые фляги, бачки и ведра обрывками пледов, гардин и бостоні-дерюги. Но разоблачают граждан на параллельных улицах, не подпускают к колонкам и водоемам: у самих вода едва покрывает дно тридцатиметровых колодцев.

И пишут граждане поселка Томилино в различные решающие инстанции: «По сведениям ООН, культурный человек должен сводить за день от 50 до 80 литров воды. В рамках названных цифр наша культура стоит где-то между дриопитеком и ископаемым человеком из Гейдельберга. Получим мы воду?»

Возможно, даже при жизни. Потому что вода в Томилине — это вам не туннель под Ла-Маншем. Под улицей Гаршина труба лежит старорежимная, запыженная всякой дрянью, воду по ней не прокачать. Новую трубу класть нельзя — потревожишь кабель и коллектор. Вести трубу через парк — разве не жаль распилить кусок внешней среды? Вести трубу через улицы Карамзина и Аксакова — не дадут частники портить приусадебный свой рельеф.

Остается одно: ставить мощный гидрант-водомет с подачей струи по воздуху. С одновременным закрытием воздушного пространства над Томилином для полетов авиации...

Ч. П.

Эр. ЭДЕЛЬ

КИФКА

Рассказ

Звон в ушах. Словно кто-то нежно постукивает пустыми поллитровками о пустые же четвертинки.

Фома Фомич открывает глаза. Светло, чисто. И пусто. «Где это я?» — думает Фома Фомич.

Кто-то тихо приближается. Двое сотрудников в белых халатах.

«Вытрезвитель! — ужасается Фома Фомич.— Допрыгался!»

Сотрудники останавливаются поодаль, видимые неотчетливо.

— Кто ты, убогий, назовись...— произносит один.

Фома Фомич густо крякает с досады и глубоко вздыхает. Перегарище, видно, достигает сотрудников.

— А-ах! А-ах! — поют они, куда-то исчезая.

...Фома Фомич закрывает глаза и вспоминает события, приведшие его к столь печальному итогу.

А началось с сущего пустяка. Пристал начальник, Петухов:

— Выручай, Фома. Понимаешь, в Сочи познакомился с замечательной гражданкой одной.— У этого Петухова вечно летние жены. Летом на курортах знакомится, к весне расходится.— Она, понимаешь, книжки обожает. Просит какую-то Кифку достать. Или Кофку? На тебя только и надежда. Нажми все рычаги!

— Да не умею я,— отказывался Фома Фомич.— И рычагов нет у меня никаких.

— Фома! Я — в командировку. Чтоб к возвращению Кифка у меня в столе лежала! — приказным голосом заключил Петухов.

А Фома Фомич был весьма обязан Петухову. И начал он искать рычаги.

Спрашивал знакомых и родичей, никто о книге — автор Кафкой оказался — не слыхал. Наконец забрезжило! Двоюродная сестра — кассирша на стадионе, у них работает сторожем Тихон Матвеич, а у него внучка товароведом на книжной базе.

Фома Фомич на казенном грузовике полетел к сторожу. Тихон Матвеич оказался дедуся-жох. Как ни пытался Фома Фомич по-купецки представить Кафку ерундой, безделицей, нужной лишь для психованных любителей, сторож сразу уловил интерес. И пошел ломаться.

— Ну, ладно! Ты скажи, что хочешь? Давай в открытую,— напирал Фома Фомич.

Сторож долго думал, курил, чесал под суконной кепкой. Боялся продешевить.

— Ну так что ж...— наконец решился он.— Для хорошего человека... так и быть! Достань мне... мотор от МАЗа. Сможешь?

Фома Фомич болезненно ахнул:

— Да ты никак спятил, дед! А космический корабль тебе часом не нужен? Я думал, подарю девушке духи или косыночку.

Тихон Матвеич укоризненно сказал:

— А ты не смейся! Племяш катер речной строит, ему мотор надо. А за это...— сторож мечтательно зажмурился,— даст он мне светелку в своей дачке на вечное пользование, понял? А насчет духов — она сама какие хочешь себе купит!

— Ну, допустим, достану я тебе мотор, а точно ли книжка будет?

— А как же! Я внучке-то пригрожу: мол, наследства лишу! Она на мои самовары зарится. Старинные, восемь штук, как жар горят.

Фома Фомич понял: он втягивается в хитросплетения чужих судеб. Но иного выхода не видел.

«Мазовский» двигатель мог устроить только свояк Трофим из колхоза. Понесся Фома Фомич на грузовике по сельским дорогам.

— Ха, чего удумал! — удивился свояк Трофим.— На это три подписи высоких начальников надо, во!

Но Фома Фомич все-таки разузнал: подходящий полуразвалившийся мотор имеется, выведал, чьи подписи нужны. Со свояком Трофимом пришлось так выпить, что Фому Фомича уложили в кузов грузовика, как бревно.

Секретарша первого начальника согласилась устроить подпись, но потребовала за это газовую плиту «Карпаты».

Шурин Фомы Фомича брался добыть такую плиту, но за это испрашивал два метра кримплена.

Это уж было почти просто. Шофер учрежденческого грузовика имел дружка на складе универмага и через него узнал, когда в продаже будет кримплен. Всего за бутылку «Экстры».

С шести утра Фома Фомич поеживался у дверей магазина. И ухитрился купить модную ткань.

Первая подпись была получена!

Со второй тоже сошло довольно удачно. Фому Фомича свели с завхозом того учреждения. Завхоз оказался занудой. Фома Фомич часами просиживал с ним в ресторане, выслушивая бесконечные истории о завхозовых рыбках и кактусах. Но подружился. Сработала схема довольно простая: подпись — за два редких кактуса из ботанического сада и за серию почтовых марок Ирландии. Марки пришлось купить у спекулянта.

На третьей подписи заметно осунувшийся Фома Фомич споткнулся. Нужен был большой, внятно говорящий попугай. У человека, которого никак не удавалось уломать, имелось все, кроме такого попугая.

Поиски привели к лицу, имевшему попугая и склонявшемуся его продать. Владельцем оказался священник местной церкви. Он заломил за птицу неслыханную цену— пятьсот рублей.

Фома Фомич пал духом. Все срывалось! Он был предан Петухову, но не на такую же сумму!

После долгих переговоров выяснилось все же, что священник готов отдать попугая Ромочку, редкого говоруна, если Фома Фомич достанет... Фома Фомич затаил дыхание. Ну, что? Что? Священник застенчиво вздохнул и высказал мечту:

— Электронную охранную сигнализацию для моего домишки!

Фома Фомич опять пустился на поиски.

Молодой его сосед Коля посещал литобъединение «Ковер-самолет»...

Туда же носил свои стихи диспетчер аэропорта...

Через знакомую завхоза-зануды — кактусоводку, работавшую в отделе писем газеты,— Фома Фомич добился публикации стихов диспетчера. Они начинались так: «Подо мною небо тучевое...»

Один пилот согласился привезти из заграничного рейса сигнализацию...

За это Фома Фомич сыскал пилоту великолепный обмен квартиры...

Когда Фома Фомич сгрузил импортное оборудование и вошел в дом, за столом сидели гости. Оказалось, у священника — день ангела.

Чувствуя, что дело на мази и редкий Кафка идет в руки, усталый Фома Фомич позволил себе на радостях хватить лишнего.

— Я все могу! — уверял Фома Фомич.— Хочешь, я тебе Исаакиевский собор из Ленинграда сюда перетащу? Хочешь? Только скажи! Я мигом! Кримплен — за мотор, мотор — за катер, катер — за пароход, пароход — за гостиницу с кактусами, гостиницу — за собор!

Подвыпивший священник утверждал, что сам еще больше может.

— Ну что ты можешь? — смеялся Фома Фомич и гладил приятеля по шелковому плечу.— Младенца неразумного в купель окунуть без очереди, да? Где у тебя рычаги, где? Никотин, ладан... наркотик, понтапон... гашиш...— вот ты кто! Да ты не обижайся...

Но хозяин обиделся:

— А я... У меня... тоже связи имеются... там,— и указал куда-то косо вверх.— Могу устроить...

Фома Фомич тихо смеялся, засыпая.

А проснулся со звоном в ушах.

Он был в раю.

Ангелы, принятые им за работников вытрезвителя, увидав живого человека, переполошились, позвонили в преисподнюю, и вскоре Фома Фомич очутился у себя дома. В руке он держал клетку с поповским попугаем. «Смир-р-рно! — сказал Ромочка.— Жр-р-рать хочешь?»

Вернувшийся из командировки Петухов нашел у себя в столе томик Кафки. Но он ему не понадобился. В дороге Петухов познакомился с одной замечательной гражданкой, которая больше всего на свете любила саксонский фарфор.

Когда Фома Фомич в своих рассказах доходит до пребывания в раю, ему никто, понятно, не верит.

Фома Фомич загадочно улыбается:

— Ну, как хотите. Я-то знаю, что он есть. Бывал там. Только в пьяном виде.

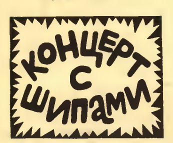
И добавляет:

— По знакомству чего только не достигнешь!..

— Прости меня, мать пресвятая богородица, не устояла перед соблазном...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Андрей КАРАСЕВ,
Сергей РЕВЗИН



Командировке новой рады
И необычной нашей роли,
В Сибирь с артистами эстрады
Мы вылетаем на гастроли,
Чтоб вместе выступать на сцене
В совхозах Омска и Тюмени.

Июль. Жара невероятна.
Живем в районах. Ездим вдосталь.
Что ни концерт, туда-обратно
Трясемся километров по сто.
А по дорогам мчат машины,
Везут панели, блоки, фермы:
Повсюду строятся махины —
Животноводческие фермы.
Объездив шестьдесят совхозов,
Встречали мы не только розы.
Запомнилась одна деревня,
А в ней — бревенчатый, понурый,
Перекосившийся и древний...
Вы догадались? Дом культуры.
А перед домом — лужа кляксой.
Идут в обход ее попарно
На наш концерт девчата в макси,
Идут расклешенные парни —
Быть может, те, что на машинах
Везут панели, блоки, фермы
И строят сельские махины —
Животноводческие фермы.

...В фойе скамеек нет, а стоя
Посадишь шишку на макушке.
Взамен бачка — ведро с водою,
Висит на дужке цепь от кружки.
Перед началом выступленья
Артисты мечутся в волненьи
И сообща ведут разведку:
Пытаются найти розетку —
Включить походный усилитель,
Да поскорее: в зале зритель.
Поскольку некуда деваться,
Артисты за киноэкраном,
Где тесно даже тараканам,
Решились переодеваться,
Но тут беда их поджидала:
Певец за что-то зацепился,
Как с памятника покрывало,
Заштопанный экран свалился.
Но, вопреки всему, с задором,
Успешно выступили гости,
Хоть и мешали там танцорам
Торчащие из пола гвозди.
Да только одного артиста
Не состоялось выступленье,
А именно эквилибриста —
Из-за размеров помещенья.

Узнать, читатель, не хотите ли,
Каков был отзыв наших зрителей,
Что пашут, сеют, орошают
И урожаи повышают?
— Спасибо вам! — они сказали.—
Кино бывает в этом зале,
Но не было здесь даже близко
Артистов с той поры угрюмой,
Когда на бреге на иртышском
Сидел Ермак, объятый думой...

Теперь при всем честном народе
Признанье сделаем в финале:
Дома культуры в этом роде,
Увы, не раз мы повидали.
Так пусть, заботясь по-отцовски
О сельском зрителе и сцене,
Наш фельетон обсудят в Омске
И пусть обдумают в Тюмени.

Сибирь.

Вокальное трио «Лаокоон».

Рисунок Е. ГУРОВА

Александр ИВАНОВ

Куда ни кинь

Ты пахнешь, как
охотники в лесу
наутро после дымного
ночлега.
Мне кажется, я скоро
понесу,
не от тебя — от пороха
и снега.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ.

Гуляла я в заснеженном
лесу,
где все вокруг — безмолвие
и нега.
И поняла, что скоро понесу
не от тебя —
от холода и снега.

Идя весной, любуясь
на красу
природы юной, слыша птичьи
трели,
почувствовала: скоро понесу
не от тебя —
от ветра и апреля.

Бродила летом, видела росу,
в грозу попала далеко
от дома.
И показалось: скоро понесу
не от тебя —
от ужаса и грома.

А осенью, когда свербит
в носу
и в небе птиц печальных
караваны,
мне стало ясно: скоро понесу
не от тебя —
от мрака и тумана.

Вот так всегда... Ну, право,
отчего
куда ни кинь — интимные
моменты?..
Одно лишь непонятно:
на кого
я буду подавать
на алименты?

Мих. РАСКАТОВ

Побаска

И вновь зорянки-
светлоглазки
Пропели добрые
побаски...
Не всесильны пока лучи.
И земля еще
снеговиста...

Сергей МАКАРОВ.

Встану утром, душою чист,
Выпью чаю, поем колбаски
И, поскольку я поэтист,
Начинаю писать побаски.

Выйду в поле, природе рад,
Вижу, небо не очень чисто.
Горизонт слегка тучеват,
Ветерок задул грозовисто.
Ручеек весьма водянист,
Дно то там, то тут камневато...
А в кустах певец соловьист
Трель выводит щеголевато.

Я стою и вовсю дышу...
Пахнет мята коньяковато...
И об этом я напишу
Исключительно стиховато!

С. КОМИССАРЕНКО

САЖАЙТЕ ДЕРЕВЬЯ!

Вероятно, каждый из вас, дорогие читатели, помнит то далекое, а может быть, и совсем недавнее время, когда он впервые приобщился к книге... А теперь вот вы, молодой человек, отложите в сторону томик Пушкина, а вы, товарищ, закройте книжку стихов Есенина! Что? Ее дали вам почитать всего на один вечер, сейчас так трудно достать Есенина: нехватка бумаги, малы тиражи? Все равно отложите! И вы, гражданин в очках, отложите толстую книгу с формулами! Что? Ни в коем случае нельзя? Ладно, оставим человека в покое. Специализируйтесь. Недаром в научном мире популярен такой афоризм: «Мы все больше и больше узнаём о все меньшем и меньшем, пока наконец не будем знать всё ни о чем».

Я вас отрываю от столь нужных вам книг, чтобы рассказать именно кое-что об этом «ни о чем», ввести вас, дорогие читатели, в огромный и удивительный мир книг ненужных — самой разнообразной печатной продукции от наилегчайшего веса (всего в несколько граммов) до килограммовых фолиантов. Я классифицирую издания этого мира по сугубо весовому принципу, так как почти вся она, порой даже в нераспакованном виде, поступает в макулатуру. Ибо одна тонна макулатуры в производстве бумаги экономит 4,0—4,5 м³ деловой древесины.

Вернемся, однако, несколько назад, а именно к тому времени, когда древесина была только-только переработана в чистую бумагу. Взглянем, что же на ней порой печатают. Начнем, как водится, с планов. Интересно, как у вас в учреждении, читатель, составляются планы? Сперва, наверное, начерно прикидывают, потом машинистка печатает несколько экземпляров... А вот в городе Бутурлиновка (Воронежская область) типографским способом на отличной бумаге издали произведение «План работы на 1975/76 учебный год» Бутурлиновского районного отдела народного образования на 72 страницах! С волнением читаешь, когда состоятся инспекторские проверки школ района, включая и ФРОНТАЛЬНЫЕ (подчеркнуто не мною.— С. К.). А когда знакомишься с «Графиком вызова руководителей школ и учителей в районо на 1975/76 г.»,— так прямо оторваться нельзя! Столько этих самых вызовов!.. В том числе запланировано, например, в 1975 году, что учителей русского языка 8-й Воробьевской школы будут вызывать по вопросу неуспеваемости в 1976 году.

А вот фрагмент из печатного издания «План благоустройства города Фастова Киевской области на 1975 г.»: «Постричь кустарник и деревья на перекрестках для установления нормального вида». В самом деле, что будет, если дворник без плана возьмет секатор и будет стричь?!

Многие организации вдохновенно сообщают о своих планах и обязательствах на громадных плакатах, отпечатанных немалыми тиражами. Мы узнаём, например, что работники пожарной охраны Черновицкой области берут на себя обязательства: «Обеспечить устойчивость работы радиосвязи ЦППС с пожарными частями», «продолжить работу по оснащению опорных пунктов пожарной техникой»... Какая ценная информация для читателя! А мы-то по наивности думали, что без этих мероприятий вообще невозможно тушить пожары. В обширных планах работников сберегательных касс Оренбургской области: «Обеспечить сохранность государственных средств, вверенных государственным кассам» (а до сих пор не обеспечивали?), «принять меры к сокращению недоплаты по облигациям государственных займов и лотерейным билетам» (а раньше недоплачивали?).

Очень много зряшных произведений выпускают учебные заведения страны.

Вот, например, «Методические указания по самостоятельной работе учащихся-заочников в свете научной организации умственного труда», выпущенные в городе Куйбышеве энергостроительным техникумом (объем 3,25 печ. листа, тираж 2000 экз.). Это шедевр «ниочемной» литературы. Даже сам составитель этой книжки Р. А. Орехова стыдливо пишет в послесловии: «Вероятно, первым ощущением после ознакомления с предложенными методическими советами будет некоторое удивление — большинство из них просты и будто бы общеизвестны». Еще бы! Мы узнаём, например, что при чтении книги «следует придерживаться следующего порядка:

а) внимательно прочитать титульную страницу, на которой напечатано название книги, фамилия автора, место и год издания, наименование издательства;

б) найти в книге «Оглавление» (или «Содержание») и ознакомиться с ним, так как в нем отражен общий план произведения;

в) прочитать (или бегло просмотреть) «Предисловие»...

Ну, а затем «разделы учебников следует читать в порядке их расположения, обращая особое внимание на заголовки...»

Мы, собственно, и придерживались указанной методологии, знакомясь с книгой Р. Ореховой, и, помимо общеизвестного, вроде того, что «лекция — это один из видов устной речи», узнали и нечто новое. Что надо писать грамотно и что «предложенные методические указания и советы необходимо проверить (? — С. К.) в жизнь, и, только превратившись в привычку, они станут стимуляторами и организаторами труда и учебы».

Кстати, об организаторах. Перед нами «Каталог изобретений и рационализаторских предложений сотрудников Ивано-Франковского государственного медицинского института», выпущенный одноименным институтом. Из книги с радостью узнаёшь, что «изобретательская и рационализаторская работа ведется на всех кафедрах института». «Особенно активно она проводится на кафедрах рентгенологии и медицинской радиологии (зав.— проф. Ветощук В. И.)». Далее издатели не хотят скрывать от нас, что весьма преуспевает в этом важном деле лично профессор Ветощук В. И., которому посвящены даже целые страницы этого каталога... Интересно, кто составитель каталога? Ну, конечно же, читаем: «составитель — профессор Ветощук В. И.». Заметим, кстати, что если бы все наши учреждения выпускали каталоги про своих сотрудников (кто, что и когда изобретал), то этим можно было бы опоясать земной шар, а если б туда же еще и про рацпредложения, то земной шар вообще покрылся бы каталогами...

Во всех рассмотренных изданиях, хорошо ли, плохо ли, но что-то все-таки написано, а что скажешь об издании контрольно-спасательной службы Белорусского совета по туризму и экскурсиям под названием «Программа I республиканских соревнований спасательных отрядов»? Нет слов... В том смысле, что одна форма в этих книжечках и почти нет содержания. Есть, конечно, кое-какие слова, ну, например, что в первый день соревнований состоятся соревнования по программе 1-го дня, а во второй день — по программе 2-го дня... И, в общем-то, все. Пусто дальше. Как говорится, белое безмолвие...

Раз мы уж заговорили о спорте, как тут не упомянуть про футбол?

Вот Центральный стадион имени В. И. Ленина по традиции выпустил календарь-справочник «Футбол-1975» объемом 4,2 печатного листа и тиражом 1 миллион экземпляров. Затем аналогичную книгу выпустило издательство «Московская правда» под названием «Первый круг», а в разгар сезона — и вторую книжку «Второй круг». В каждой из них тиражом по 200 тысяч экземпляров настойчиво, как таблица умножения, повторяются различные футбольные таблицы, составы команд, кто когда был призером (а также аутсайдером), кто сколько забил и пропустил голов.

Затем отдельно выпускает свой справочник «Футбол-75» Центральный стадион «Локомотив» (тираж — 100 тысяч экземпляров), где одноименная команда дважды сфотографирована вместе, затем еще в отдельности даны впечатляющие портреты футболистов основного и дублирующего составов (не исключая и игроков, уже отчисленных из команды), а также тренеров и всего обслуживающего персонала. Причем старший тренер команды запечатлен множественно, под разными ракурсами — как в семейном альбоме... И опять составы команд, кто сколько забил,— итого 100 страниц на добротной бумаге!

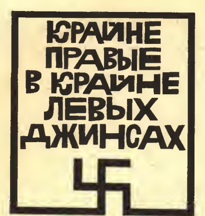
Но про футбольные коллективы пишут все-таки вторые, а то и третьи лица, а вот некоторые коллективы и отдельные товарищи воздвигают себе памятники (литературные) самолично.

Многие руководители выпускают альбомы, эпически повествующие о вверенных им предприятиях. Эти альбомы издаются на великолепной бумаге тиражом до десяти тысяч экземпляров, а ценою от 2 рублей и выше. Иногда, впрочем, цена не указана, то есть альбом бесплатный...

Известно такое пожелание: чтобы оставить след на земле, человек должен написать книгу или посадить дерево... Так вот, хочется обратиться к тем, кто желает оставить след: не обязательно писать по любому поводу книжки, товарищи, даже если на это есть бумага... Сажайте лучше деревья! Этим вы не только оставите след, но и восполните в какой-то степени те кубометры деловой древесины, которые ушли на создание упомянутой выше печатной продукции...

— Слезай, Дуся, и. сегодня у меня нет вдохновения.

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА



Уж сколько раз в послевоенной Европе предпринимались попытки гальванизировать фашизм старого толка, закамуфлировав его модными лозунгами. Однако всякий раз из-под новой личины вылезали старые клыки, и разоблаченное чудовище закономерно, словно вампир, застигнутый восходом солнца, издыхало на глазах у почтенной публики, не вызывая ни у кого ни сожаления, ни сочувствия. Так было, в частности, в ФРГ с партией Адольфа фон Таддена, которая сникла и раскололась на рубеже 1971—1972 годов, когда в Европе пахнуло свежим ветром разрядки.

Среди прочих осколков НДП нашлись, однако, такие оголтелые, которые усмотрели причину краха этой партии именно в том, что программа новоявленного Адольфа оказалась-де «недостаточно радикальной». И вот, отсидевшись по темным норам, эти ультра появились под свежей личиной: «Новые правые». А чтобы получше сбить с толку аполитичного обывателя, крайне правые решили использовать кое-что из атрибутов «крайне левых» — потрепанные джинсы, длинные немытые волосы, кое-какие жаргонные словечки радикального пошиба. Столь же эксцентрично замаскировали они и свои печатные органы — журналы и газеты, предназначенные для молодежи и подростков. Газету для юношества назвали «Баррикада», а газету для школьников — «Бунтарь».

Совсем растерялись некоторые обыватели, когда «новые правые» объявили, что у них есть точки касания с «крайне левыми», в частности с маоистами. Мол, вслед за Францем-Йозефом Штраусом лидеры «новых правых» не прочь отправиться на поклон в китайскую мекку. Как же тут не растеряться? Как не запутаться, гадая, где «право», а где «лево»?

Между тем «новые правые» свирепо ополчились против разрядки в Европе, а заодно и против тех политических лидеров в ФРГ, которые выступают за эту разрядку. Затем объявили поход против «советского большевизма», поскольку он не что иное, как... империализм! И наконец, открыто облобызались с итальянскими неофашистами, которые терроризируют свою страну дикими убийствами и взрывами бомб.

И все сразу стало на свои места. Даже самые ограниченные обыватели поняли, кто такие «новые правые». Не помогли ни длинные немытые волосы, ни потертые джинсы, ни жаргонные, залихватские словечки. Ряженых пакостников узнали...

Л. СТЕПАНОВ.

КРИК ЗАПАДНОЙ МОДЫ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

Ганс ЗАЙФЕРТ (ГДР)

Похвальное слово Лос-Анджелесу

На днях я с коллегой Рольбаистером побывал проездом в Лос-Анджелесе. Город жил под впечатлением очередного происшествия. Один знаменитый голливудский актер в четвертый раз счастливо сочетался браком со своей собственной женой, с которой он до этого три раза успешно разводился. Даже для калифорнийских нравов это было чересчур. Происшествие мгновенно стало темой всеобщих разговоров. В тот же день одна из моторизованных банд, резвящихся в городе, среди бела дня на центральной улице застрелила юношу. Просто так. В порядке развлечения. Общественность, занятая свадьбой актера, пропустила звук выстрела мимо ушей. Подумаешь, новость...

Только мы, наивные, сентиментальные европейцы, поспешили к мистеру Джо Суарецу. Встретил он нас любезно и даже виду не подал, что только нашего визита ему и не хватало.

Естественно, мы высоко оценили его вежливость: ведь в Лос-Анджелесе Суарец не кто иной, как старший следователь по делам бандитизма, и поэтому он один из самых занятых людей пятимиллионного города.

Придав лицу официальное выражение и смекнув, что наше журналистское любопытство можно легко, а главное, быстро удовлетворить, мистер Джо Суарец без лишних слов подвел нас к огромному плану города, занимавшему почти всю стену его рабочего кабинета. План сверху донизу был усыпан разноцветными квадратами, прямоугольниками, ромбиками и кружками.

— Закрашенные площади,— пояснил Суарец,— районы действий уличных банд. Около двухсот районов. Двадцать тысяч бандитов!

Мы пристально разглядывали карту, однако не смогли найти в городе района, который не был бы так или иначе закрашен.

— Да здесь просто нет живого места! — позволил я себе заметить, однако Суарец пропустил мимо ушей мое замечание и продолжал:

— В прошлом году они убили в Лос-Анджелесе семьдесят человек. Положение изменилось в том отношении, что ныне в распоряжении банд огнестрельное оружие, а не то что раньше — дротики, цепи, дубинки.

— По-видимому, это оттого,— подсказал Рольбаистер,— что сейчас в Соединенных Штатах любым огнестрельным оружием можно обзавестись так же легко, как, скажем, банкой консервированной солонины или пакетиком жевательной резинки.

Суарец кивнул, посмотрел вскользь на часы и, устало махнув рукой, добавил:

— Кроме того, в наших школах действуют еще сто сорок три банды. В прошлом полугодии они совершили шестьсот тридцать нападений на учащихся и учителей...

На этом наш визит был прерван. Вошел секретарь и сообщил, что у дверей кабинета переминается с ноги на ногу только что прибывший из Вашингтона высокопоставленный чиновник.

— Бедному Суарецу будет, наверное, высказано порицание за разгул бандитизма? — спросили мы у секретаря.

— Напротив,— возразил он с некоторой обидой в голосе.— Господа из Вашингтона приезжают изучать наш опыт: ведь в сравнении с Нью-Йорком, Детройтом и Филадельфией наш город выглядит весьма миролюбиво!

Перевел А. САВОСИН.

СОВЕТ НОЧНОГО ГОСТЯ

В застоялую духоту пиночетовского кабинета ворвалась струя могильного холода. Явственно повеяло плесенью. Хозяин кабинета сжался. Страх медленно пополз по затылку Пиночета и мурашками разбежался по спине.

— Да ты не бойся,— услышал или скорее почувствовал Пиночет слова, доносившиеся откуда-то сзади. Он обернулся на звук... Глазам генерала-палача предстал его предтеча — Адольф Гитлер. Дорогой гость стоял босиком, завернутый в обгоревшую местами шинельку.

Крупнокалиберные слезы умиления медленно поползли по пиночетовским щекам. Он вытянулся по стойке «смирно», решив по всей форме рапортовать...

— А, брось, не надо,— прервал гость.— И так все знаю. И про концентрационные лагеря и про расстрелы. Весьма доволен. Только что же это ты, брат, образование молодежи запустил?

— Вроде все в порядке, мой фюрер,— исступленно залопотал Пиночет, — я им офицеров в учителя дал, генералы в ректорах ходят... Да, чуть не забыл, по утрам студенты маршируют. Это обязательно. Вот, даже указ есть специальный.— Пиночет протянул духу фюрера какую-то бумагу.

— И это все?—засипел Адольф.

По-горилльи подпрыгнув от радости, Пиночет выпалил:

— Нет, мой фюрер, не все. Я еще запретил выборы в родительские и ученические комитеты.

— Цель? — поинтересовался гость.

— Ну, как же,— интимным шепотом рапортовал глава чилийских фашистов.— Выборы — это марксистские выдумки. Сейчас выбирают родителей в комитет, а потом, глядишь, выберут коммунистов в парламент.

— Молодчина! — согласился Гитлер.— Но все равно мало! Мало! Скоро рассветает, мне опять надо исчезать... Когда еще вырвусь, не знаю, так что запоминай...

Пиночет схватил авторучку и застрочил, поспешая за потусторонним голосом:

— Для всех обучающихся в высших учебных заведениях обязательно введи курс стажировки в твоем гестапо, то есть в этом самом национальном разведуправлении...

В этот момент голос фюрера прервался. Он захрипел и, указав на окно, за которым уже рассветало, полез, гремя ребрами, на подоконник.

Весь следующий день Аугусто Пиночет никак не мог сообразить, было или не было описанное выше свидание. И, лишь обнаружив свои ночные записи, понял: было...

Вскоре господа офицеры бойко расклеивали по коридорам высших учебных заведений Чили новый циркуляр. Этим циркуляром Пиночет и его присные вводили в университетах «обязательное изучение марксистской подрывной деятельности с последующим прохождением практического курса в национальных органах безопасности».

Потусторонний бред стал реальностью.

А. КУЗЬМИЩЕВ.

Рисует Фонтанаросса

Недавно в редакции «Крокодила» побывал общественный деятель из далекой Аргентины товарищ Абель Бланко.

В духовной жизни Аргентины, рассказал наш гость, за последние годы наметился поворот к заботам и горестям простого человека. Это направление, весьма заметное в литературе, журналистике, изобразительном искусстве, театре, набирает силу.

Хотя реакционеры из государственного аппарата все туже завинчивают цензурный пресс, а ультраправые террористы из банды «трех А» («Антикоммунистический альянс Аргентины») стреляют из-за угла в прогрессивных художников, количество социально острых произведений искусства не убавляется.

В первых рядах художников — бойцов за демократию — идут аргентинские сатирики. Этот жанр имеет свою богатую историю, подтверждение чему можно найти в газетах разных лет. Карикатура издавна использовалась как эффективное оружие в борьбе с реакцией.

Появление новой группы художников-юмористов связано с подъемом народной борьбы против военных диктатур, господствовавших в стране в период последних десятилетий. Народ, лишенный права на свободное выражение мнения при помощи «обычных демократических средств», искал и нашел новые формы проявления чувств недовольства и протеста. Одной из таких форм стало искусство карикатуры.

Пожалуй, самым интересным среди наших прогрессивных карикатуристов сейчас является Фонтанаросса. Он еще очень молод, однако его больше всех знают и ценят. Его работы расхватывают журналы, газеты, агентства печати, и в этом — свидетельство интереса публики к художнику.

Начало его творчества совпадает с крупными народными выступлениями в городе Росарио в мае 1969 года. Тогда Фонтанаросса был сотрудником росарийского журнала «Буж», и его первые рисунки клеймили палачей и карателей народа.

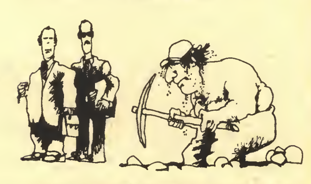
Художник часто прибегает к открытой социальной критике. Но даже в своих вроде бы чисто юмористических работах он подмечает пороки современного буржуазного общества...

НАШ ГОСТЬ АБЕЛЬ БЛАНКО ПОДАРИЛ РЕДАКЦИИ АЛЬБОМ РИСУНКОВ РОБЕРТО АЛЬФРЕДО ФОНТАНАРОССЫ. НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ МЫ ПУБЛИКУЕМ НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ.

— Я прошу простить меня за странный вид на этом вечере, но со мной всегда что-то происходит, когда я пою «Колыбельную № 4»...

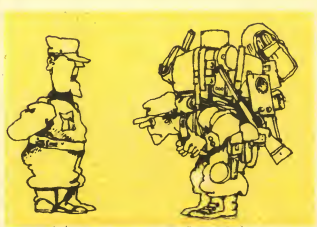
— Холодно... холодно... холодно... теплее, теплее... холодно...

— А вы задумывались когда-нибудь над тем, что прибавка к зарплате за вредный труд как раз и позволяет вам покупать лекарства?



— Как можно работать в таком виде, Эрнандес? Без галстука, без пиджака...

Без слов.



— Тебя так и не научили держаться прямо?

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«МИНЕРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ»

Так назывался фельетон А. Никольского, опубликованный в № 16 «Крокодила». Речь в нем шла о фактах появления в городах Кавказских Минеральных Вод лиц, ведущих бродячий образ жизни.

Как сообщил редакции зам. начальника УВД на Кавминводах тов. И. Конинов, фельетон обсуждался на оперативном совещании с начальниками органов внутренних дел. Составлен план конкретных мероприятий по усилению борьбы с бродяжничеством, тунеядством, пьянством.

В фельетоне говорилось также о недостатках в водоснабжении г. Минеральные Воды. Председатель исполкома Минераловодского горсовета тов. Е. Горбатов сообщил, что Ставропольский краевой комитет КПСС и крайисполком принимают необходимые меры для лучшего обеспечения города водой. В настоящее время ускоренно ведутся работы по строительству второй очереди очистных сооружений.

«ОХ, ВЕТЕР...»

Именно ветер разметал строение из шифера, в котором находился склад минеральных удобрений совхоза «Восход». Так фундаментально он был построен. Об этом рассказывалось в заметке «Ох, ветер...», опубликованной в журнале № 18.

Как сообщает секретарь Чардаринского райкома КП Казахстана тов. Ф. Никифоров, в настоящее время склад минеральных удобрений капитально отремонтирован и приведен в порядок.

«ГДЕ ТЫ, КОСТЯ?»

Не одну тонну металла можно добыть из отвалов предприятий города Челябинска. А планы по сдаче металлолома этим предприятиям даются скорее приличия ради. Об этом говорилось в фельетоне «Где ты, Костя?», опубликованном в журнале № 23.

Как сообщает секретарь Челябинского обкома КПСС тов. В. Викулов, фельетон обсуждался на бюро обкома партии. Бюро обязало руководителей промышленных предприятий и строительных организаций навести порядок в сборе, сортировке и сдаче металлолома, списании непригодного и использованию оборудования.

Получен также ответ от секретаря парткома Челябинского производственного тракторостроительного объединения тов. Л. Кудрявцева. Генеральным директором объединения приняты меры, исключающие в дальнейшем сброс металла в землеотвал. На отвале установлен постоянный пост народного контроля.

«ПЕЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!»

В заметке под таким названием («Крокодил» № 26) рассказывалось о неудовлетворительном обеспечении молоком рабочих Арзамасского приборостроительного завода.

Директор завода тов. П. Пландин и секретарь парткома тов. М. Баланин сообщили редакции, что выступление журнала обсуждено на бюро партийного комитета. Заместителю главного инженера по охране труда, технике безопасности и промсанитарии тов. Б. Жесткову и начальнику отдела техники безопасности тов. В. Горюшину объявлены выговора, помощнику директора по быту тов. В. Савинов и председатель завкома профсоюза тов. В. Рогов строго предупреждены.

В настоящее время молоко рабочим с вредными условиями труда выдается во всех буфетах при столовых завода.

Николай ИСАЕВ

Рассказ

Чай пить будем!

Идиомов у себя на балконе улей поставил. Пчелам кров дал. Те, конечно, летают. Не в лес, по квартирам за взяткой. У Пересветова торт на подоконнике раскулачили, Хромушин пастилу ел, они по пастиле ударили. Хромушину — наука. У Впололева жена детям сливки взбила, на рынок ушла — они сливки добили. Дети на бобах остались.

Ну, народ, когда освоился с безобразием, сообразил, откуда дует, Идиомова за грудки взял.

— Чего ты,— говорит,— пчеловод-домушник, делаешь?! Чего своих пчел на чужие квартиры натравливаешь! Пускай они мед собирают по твоей кухне или давай улей с балкона демонтируй!

Идиомов, он крутой мужик, сибирского замеса.

— Нет,— отвечает,— такого закона, чтобы улью на балконе не утвердиться. Зимой все чай с медом пить будем! Со своим. Честно.

Поскандалили мы малость для порядку и разошлись. Пашка Оглоблин, правда, еще долго в подъезде кулаками махал, потому что у него вся фотокарточка пчелами прокусана. Потому что он на ночь ликеру выпил, в котором 20% сахара. Пчелы, видать, его за своего и приняли.

У меня с этими пчелами вообще никаких конфликтов нет. Квартира холостая. Хлеб всегда у соседей прошу. Стояла, правда, банка натурального меда, так они крышку отодрали и весь мед к себе перекачали. Ну, понятно: хочешь жить, умей вертеться.

Гости теперь, слава богу, не ломятся. Нет среди них такого настроения, чтобы зайти, попроведать, словом перекинуться, потому что не все себя нашли в пчеловодстве. Не все.

У меня, говорю, с этими пчелами вообще никаких конфликтов. Я человек холостой. Временно переехал к одной знакомой. Меня и дома не бывает. Правда, у меня дома на обоях цветы, и пчелы по ним лазят. У них инстинкт, им план давать надо, они к себе прилетают — с них там тоже спрашивают.

У Пашки Оглоблина статуэтка воскового мальчика на серванте стояла. «Восковой мальчик, утро встречающий» по ценнику. Вот вечером ложились — он стоял. А утро уже одни встречали, без мальчика. Потому, что пчелам тоже где-то жить надо. И вообще если перед пчелой кулаком не махать, она тебя не тронет. Сядет на тебя, полазит по лбу, видит — не тюльпан, чувствует — гелиотропом не пахнет, и дальше на соседей полетела.

Свыклись мы с ними понемногу. Я вообще дома не живу, да и зима уж скоро. А зимой что? Зимой они спят. Зимой у нас праздник будет. Всем домом чай пить будем! С медом! Со своим! Идиомов честное слово крепко держит.

г. Ленинград.

— Я вам третий раз отвечаю: это не зоопарк, это коммунальная квартира!

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

В НАШЕМ ЦЕХЕ

«Можем ли мы игнорировать такой действенный и всеми любимый вид литературной критики, как шарж?» — задала себе вопрос редакция журнала «Вопросы литературы». И, ответив на него решительным «Нет!», устроила выставку шаржей под девизом «Взирая на лица...». Посетители выставки, разместившейся в стенах редакции, не скрывая улыбок взирают на лица писателей и поэтов, попавших «на карандаш» художников-крокодильцев Кукрыниксы и И. Игина, А. Крылова и Н. Лисогорского, молодых шаржистов В. Корячкина и И. Макарова.

Впрочем, выставка организована не только смеха ради. Открывая ее, главный редактор журнала В. Озеров сообщил, что редакция намерена всерьез заняться разработкой проблем шаржа на страницах «Вопросов литературы». Что, естественно, могут только приветствовать все любители юмора...

●

Главные герои книжки юмористических и сатирических рассказов Цезаря СОЛОДАРЯ «Возмутительница спокойствия» — в основном молодые люди. Логично поэтому, что произвело ее на свет издательство «Молодая гвардия».

●

Сразу два подарка сделало любителям нашего жанра Верхне-Волжское книжное издательство (г. Ярославль). Стихотворные фельетоны, эпиграммы, пародии, миниатюры, «веселые перекладки» стихов украинских и чувашских, белорусских и татарских поэтов-сатириков собрал воедино в книге «Кувырком с Олимпа» Михаил ГЛАЗКОВ. А книжку с двумя названиями — «Красится ли Зойка?» и «Домашний крокодил» — поделили «на двоих» крокодильцы Игорь МАРТЬЯНОВ и Герберт КЕМОКЛИДЗЕ.

Уже допросили потерпевшего Сусина. Уже поплакал в жилетку подсудимый Пронин. Уже эксперт раскинул свои чертежи и авторитетно доказал, что именно Пронин наехал на Сусина, а не Сусин на Пронина, поскольку Сусин шел пешком, а Пронин, наоборот, крутил баранку.

Словом, все шло на уровне. Как в лучших судебных домах. И только свидетель Жуков еще не почтил суд своим присутствием. Обещал заскочить на минутку, но, видно, оказалось не по пути.

Судья начал процесс, надеясь, что Жуков заскочит. Потому что без него нельзя было закончить дело. Потому что один только Жуков видел, как потерпевший неожиданно выбежал из-за стоявшего на обочине грузовика и тут его подбил «пикапчик» подсудимого. Кто же действительно виноват? Так как Жуков ехал на своей черной «Волге» следом, его свидетельское слово было той гирькой, которая могла склонить весы правосудия в ту или другую сторону.

Аркадий ВАКСБЕРГ

ПОСЛЕ ЗАПЯТОЙ

Что делать? Процесс подходит к концу, а Жукова все нет и нет. Судья объявляет перерыв и уходит в свой кабинет. Он хватается за телефон, как за соломинку.

— Николай Петрович, дорогой, мы же вас ждем!..

— Что же мне из-за вас дела бросать, что ли? — басит Николай Петрович.

— Так ведь это тоже дело.

— Ваше дело,— уточняет Николай Петрович.— Ваше! А у меня и своих хватает.

Судья мобилизует весь запас своего красноречия:

— Не мое дело — общее. Гражданский долг...

— Еще этого не хватало! — свирепеет трубка.— Политграмота у нас по четвергам с пяти до семи. А сегодня только вторник.

— Ну, поймите же, решается судьба человека!

— А здесь решается судьба народнохозяйственного плана в масштабах целого района!.. Впрочем, ладно... Если уж вам так нужно, объяснимся по телефону — демократично и просто.

— Но есть же определенный порядок допроса,— чуть не стонет судья.— Под протокол... В присутствии подсудимого... При прокуроре и адвокате...

Товарищу Жукову на другом конце провода стало весело, так весело, что он даже забыл про свои неотложные дела.

— Под протокол... Ну, насмешил... Вот уж не думал, что вы у нас такой бюрократ!

Терпение судьи, как видно, иссякло.

— Если вы немедленно не явитесь, я оштрафую вас за нарушение закона...

В трубке зазвучали короткие гудки.

— Ну, что ты будешь с ним делать? — вздохнул судья.— Замнач управления. Хочет — придет, не захочет...

Он не захотел. Дело отложили. Потом отложили еще раз: Жукову все было некогда.

Все, конечно, знают, что ни замначи, ни просто начи, как и все без исключения граждане, от обязанностей не освобождены и что нет закона, который для одних обязателен, а для других не совсем. Почему же, однако, иные самовольно делают для себя изъятия из закона, а те, кто должен стоять на страже его, не находят мужества призвать нарушителя к порядку?

Вот и товарища Жукова так ведь и не оштрафовали. Судья уж и постановление сочинил и к чернильнице потянулся, чтобы его подписать, да в последний момент дрогнула рука: замнач... краса района...

А что если все поставить на свои места: за заслуги перед районом — премировать, за провинности перед законом — наказать? Наказать, невзирая на табель о рангах и не испытывая страха от того, что это где-то и кем-то будет как-то не так понято...

Недавно шофер товарища И., директора райпищеторга, под пьяную лавочку поскандалил в Доме культуры. Так культурно держал он там речь у буфетной стойки, что те, кто нервами послабее, зажав уши, бежали прочь, а у кого нервы покрепче, те взяли его под микитки и доставили в ближайшее отделение.

Шоферу без околичностей полагалось пятнадцать суток. Или хотя бы десять. Но он возил товарища И., который, держа в кармане водительские права, за руль не садился, дабы не уронить свой директорский авторитет. И пешком не ходил по той же причине. Теперь же над ним нависла угроза эту традицию нарушить.

Ну, нет, не таков товарищ И., чтобы покориться судьбе! Он достает из сейфа служебный бланк, вручает его машинистке и самолично диктует нижеследующий текст: «...В настоящее время, когда приближается окончание квартала и вопросы исполнения финансового плана приобретают особое значение, отсутствие шофера в течение двух недель может неблагополучно отразиться на бесперебойной работе вверенного мне учреждения...»

И ставит подпись: «И., Директор...» Именно так, с прописного «Д» — чтобы солиднее и масштабней.

А что же судья? Проявил твердость и непреклонность? Отчасти. Шофер получил не пятнадцать суток и не десять — пять. Возможно, большего он и не заслуживал — утверждать не берусь. Но бумажечка с директорской подписью в деле осталась — ходатайство о льготе для хулигана ради торжества финансового плана.

Меня привлек в этой истории даже не факт незаконного заступничества, а форма. Заступился, понимаете, в открытую, не стыдясь, не краснея, не опасаясь последствий. С подписью и печатью. Это уже не нажим — набег. Набег на правосудие при помощи прописного «Д».

А вот какой случай произошел как-то в одной из московских клиник.

Профессор Ж. делал очередной обход, выслушивая пояснения лечащего врача. Больная С. перебила врача: накануне, заявила она, у нее была более высокая температура, чем это сообщил доктор. Профессор попросил не прерывать врача, заметив: «Какой смысл доктору меня обманывать?» Больная стала возражать. Ей измерили температуру: она оказалась нормальной. Профессор пожал плечами и ушел.

И вот назавтра он получает письмо: «Профессор, Вы оскорбили женщину... Не хочется думать, что Вы это сделали как трус и негодяй, рассчитывая на безнаказанность... Я муж оскорбленной женщины и обязан по долгу чести вступиться за жену, женщину, друга. Готов все это повторить Вам в лицо и в любом обществе».

Ах ты, боже мой, какой изысканный стиль времен позднего рыцарства! Отмщенья! Сатисфакции! К барьеру! Завтра утром на опушке Булонского леса... При шпагах и с секундантами...

Что случилось? Почему ни в чем не повинного профессора беззастенчиво оскорбляют, его же самого выдавая при этом за оскорбителя? Кто это так весело шутит?

Это не шутки, уважаемый читатель. Это всерьез. Недостойное послание, избранные места из коего я скрепя сердце решился процитировать, отправил не просто муж и друг, а муж и друг с солидным званием — архитектор, заслуженный строитель. Это звание он гордо выписал после своей фамилии, подчеркнув тем самым всю неуместность поступка профессора: ведь тот ничем не выделил жену архитектора из ряда других больных. Не достаточно ли этого, чтобы обозвать его негодяем?

К чести коллег профессора, они не сочли это достаточным. Они скрупулезно расследовали весь нелепый инцидент и дали ему достойную оценку. Но посмотрите, как сильна власть устоявшихся стереотипов! Сообщая о поступке архитектора его начальству, они, в свою очередь, не забыли отметить, что оскорбленный профессор — заслуженный деятель, создатель научной школы и почетный член советских и зарубежных обществ...

Какое все это имеет отношение к тому, что случилось в больнице? Ведь это не зодчий оскорбил профессора, а грубиян оскорбил человека. И человек этот должен почему-то терпеть обиду от «рыцаря», заслуженно отмеченного на поприще градостроительства, но отнюдь не в деликатной и тонкой сфере человеческих отношений...

Давайте не будем считаться, кто важнее — глава научной школы или почетный строитель. Ни наука, ни зодчество тут решительно ни при чем. Перед законом, перед нашей моралью все равны, и за оскорбление положено отвечать любому, что бы ни стояло после запятой.

О какой запятой идет речь? О той, что любят подчас ставить после фамилии. Словно мало человеку быть человеком. Словно без уточнения своего места под солнцем слова твои не имеют достойной цены.

Я сам видел в книге жалоб и предложений одной гостиницы такую запись: «Обращаю внимание администрации на то, что в течение двух дней в душе не было горячей воды. В-кий, кандидат искусствоведения».

Высокие эстетические запросы вынуждали, очевидно, искусствоведа особо остро скорбеть из-за отсутствия кипятка. Как обычный постоялец он бы еще терпел, но как кандидат...

Проницательный читатель, конечно, уже заметил, что автор почему-то не уточняет фамилий своих героев. Поверьте — отнюдь не из робости. События, описанные здесь, разыгрались в разное время, к тому же по некоторым из этих фактов уже были, как говорится, приняты меры. Так что меня в данной теме интересует главным образом аспект моральный.

Конечно, нам всегда не безразлично, кто есть кто, ибо личность в нашем обществе неразрывно сопряжена с делом, которому она посвятила жизнь.

Но нормы морали, веления закона не признают ни должностей, ни званий. Тут все одинаковы. И академик. И герой. И мореплаватель. И плотник.

Игорь Иванович ТАРАБУКИН

(К 50-летию со дня рождения)

К юбилею поэта-сатирика в Средне-Уральском книжном издательстве вышла в свет его книжка «Сатиры». Предлагаем вниманию читателей несколько миниатюр из нее.

Руководящее кресло

Протерто кресло... В нем Петров
Пять лет делами правил
И никаких других следов
По службе не оставил.

Как дважды два...

Нет ничего яснее в мире,
Чем то, что дважды два — четыре!
Но мне твердят о том раз двадцать,
А затвердив, долбят опять...
И начинает вдруг казаться,
Что дважды два в итоге... пять.
Ведь если было бы четыре,
Зачем так долго убеждать?!

Когда с планом неувязки

Минувший год поймав у двери,
Директор гладит по плечу:
— Побудь еще... В тройном размере
За сверхурочные плачу!

К сожалению...

— Как человек, я вас пойму,
Но как директор, я обязан...
Как жаль, что трудно быть ему
Всегда и тем и этим сразу!

Рисунок С. СПАССКОГО

Ю. БОРИН,
специальный корреспондент Крокодила

Дом, который построил ДОК

Проводы были торжественными. Оркестр исполнял песни Александры Пахмутовой, ораторы говорили, солнце играло в весенних лужах.

— Мы счастливы,— говорили ораторы,— что можем внести свою лепту в великое дело строительства Байкало-Амурской магистрали!

Лепта стояла тут же на железнодорожных платформах, лоснясь свежей краской и слегка покачиваясь на пружинах. Она была готова к внесению, что удостоверялось штампом ОТК. И именовалась она ВД-8м. ВД — значит, вагон-дом, 8м — восьмиместный.

Но вот оркестр взял форте-фортиссимо, состав лязгнул и медленно тронулся. Сотня вагонов-домиков, которые построил Пеновский деревообрабатывающий комбинат, взяла курс на станцию Таловка Восточно-Сибирской железной дороги.

А спустя некоторое время с далекой Таловки пришел документ с длинным названием: «Акт проверки качества изготовления вагонов-домов Пеновского ДОК Минлеспрома СССР».

Из акта явствовало, что дома, которые построил ДОК, разрушаются на ходу.

Первые два дома развалились тут же, на территории пристанционной базы. Еще тринадцать рухнули, когда их пытались везти по скованному льдом Байкалу к месту расположения тоннельного отряда № 11, для которого они предназначались. Остальные везти не решились — бессмысленно.

Сухо и сдержанно повествовал акт об отставшей обивке пола, о плохо закрепленных батареях, о никудышной заделке стыков линкруста, об отваливающихся полках и еще о том, что в вагоны попадает с улицы снег. Нет, не на валенках строителей, а прямо с неба.

Но основной упор был сделан на дефекты в ходовой части. Сварщики выполнили свою работу на редкость халтурно, кронштейны и прочие детали отрываются при малейшем нажиме.

Лепта оказалась с подвохом. Дома, которые построил ДОК, не выдерживали критики и плохой дороги. Ходовая часть, которую построил Нелидовский метизный завод, отказывалась «ходить» по причине хлипкости.

«Вот так и стоит у нас сотня домов, не способных двигаться,— пишет в редакцию «Крокодила» инженер Бурятской лаборатории государственного надзора за стандартами В. Бурдуковский.— А восемьсот строителей БАМа ждут их, не дождутся...»

Скажу прямо: интервью в Пено и в Нелидове не отличались откровенностью. Они не проходили в духе взаимопонимания и сердечности. Руководители Пеновского ДОКа и Нелидовского метизного завода не столько каялись в ошибках, сколько сваливали эти ошибки друг на друга. Кооперированный бракодел менее уязвим, чем бракодел-одиночка, он всегда готов уступить пальму первенства партнеру.

Однако, отдавая должное бракоделам заводским, хочется обратить внимание на одну многозначительную фразу из того же акта.

Вот она, эта фраза: «Конструкция ходовой части вагона и производство этих вагонов не соответствуют требованиям транспортировки».

Что это значит? А это значит, что даже если деревообделочники из Пено и металлисты из Нелидово добьются сказочных достижений в борьбе с браком, если они станут доброкачественно уплотнять все уплотнения и сваривать все швы, не исключена возможность, что вагончики опять-таки будут рассыпаться на глазах у изумленной публики.

Они будут рассыпаться независимо от того, сколько километров их тащили, прицепив за дышло.

Потому что и само дышло и вся конструкция ходовой части держатся, если можно так сказать, на честном слове. Вернее, на технических условиях, утвержденных двумя республиканскими министерствами: Министерством строительства и Министерством строительства и эксплуатации автомобильных дорог Российской Федерации.

Впрочем, не только эти два ведомства принимали участие в создании вагона-дома. Проект его разработан в Центральном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования «Граждансельстроя». Технические условия отдельно на жилую часть утверждались двумя главками Минлеспрома. Перевод с рессорного на пружинное шасси осуществил трест «Промстройматериалы» Мингазпрома.

Какой синклит технической мысли!

А дом, извините, трещит по швам и разваливается, потому что «не соответствует». Он не соответствует условиям бездорожья, в которых должен находиться. Он не стоек и трудным условиям тех мест, где особенно нужен.

И тут не сразу поймешь, кто больше виноват,— те, кто строил, или те, кто конструировал. А скорее всего и конструкторы и строители внесли свои лепты...

Пос. Пено — г. Нелидово,
Калининской области.

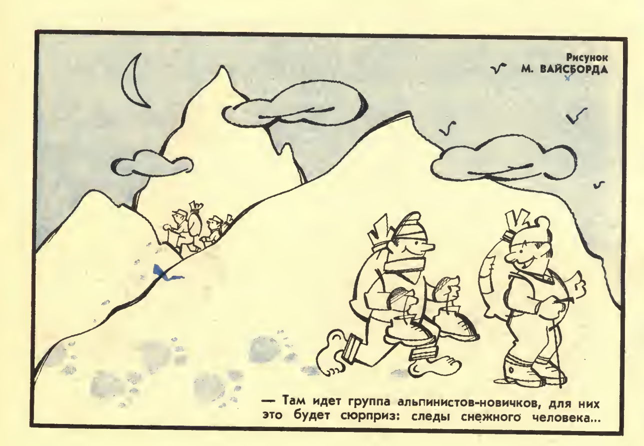


Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Там идет группа альпинистов-новичков, для них это будет сюрприз: следы снежного человека...

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Принята санитаркой в ухо, горло, нос».
(Из трудовой книжки).
Прислала Г. Попова, г. Чита.

«Я, Гайдашева Раиса Ефимовна, беру свою дочь на 22/VI-75 г. К вечеру обязуюсь ее вернуть чистую, выглаженную и причесанную».
(Расписка, данная администрации детсада).
Прислал Ю. Золотарев, г. Грозный.

«Одним словом, если книга хорошая, то я читаю ее без отрыва от производства».
(Из выступления на читательской конференции).
Прислал А. Асафьев, г. Арзамас.

«Народные приметы
Суровой будет зима, если лист чисто опадает с деревьев.
А. Фролов».
Газета «Тюменская правда» за 26 августа.

«Народные приметы
Если лист с березы падает не чисто — жди суровой зимы.
А. Фролов».
Газета «Тюменская правда» за 3 октября.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Януш ОСЕНКА
(Польша)

Сочувствие

Ближнему надо подать руку, если он нуждается в помощи.

На днях я с беспокойством прочитал в газете объявление: «Автомашину «Шкода» в отличном состоянии дешево продам по причине болезни». Далее следовал адрес владельца.

Печальный факт! Больной человек до такой степени одинок, что, заболев, вынужден продать автомобиль...

Нужно иметь каменное сердце, чтобы не прийти на помощь человеку, попавшему в беду.

Недолго думая, я отправился по указанному адресу. Дверь мне открыл плечистый, высокий мужчина с красным лицом.

— По объявлению,— сказал я.

— Прошу,— сказал плечистый.

— Хочу поинтересоваться, как состояние? — сказал я.

— Состояние отличное,— сказал плечистый,— мотор после капитального ремонта, покрышки почти новые.

— Я спрашиваю о состоянии больного,— пояснил я.

— Кого? — не понял он.

— Больного. В объявлении сказано, что здесь кто-то продает машину в отличном состоянии по причине болезни.

— Да, да,— подтвердил плечистый.— Действительно, со здоровьем у меня не того...

— Так это вы! — сказал я.— Что с вами?

— Так... вообще...— пробормотал он.— Кашель... насморк...

— Покажите язык,— сказал я.

— А вы что — доктор? — смутился плечистый.

— Прошу показать язык. Если нужен будет врач, мы его вызовем. Прошу сказать: ааааааааа.

— Аааааааааа,— повторил он, высунув язык.

— Ну, ничего страшного,— успокоил я.— Температура у вас есть?

— Наверно,— нерешительно сказал плечистый.

— Нужно измерить. Если температура — немедленно в постель! Болезнь нельзя недооценивать. Я бы хотел еще взглянуть на белки ваших глаз. Ну так и есть! Белки с красными прожилками.

— А автомобиль вы не хотели бы посмотреть? — спросил больной.

— Могу, почему же...

Мы вышли во двор. Плечистый отпер какую-то дверь, и мы очутились в гараже. Там действительно стоял автомобиль.

— Сейчас я его заведу,— сказал плечистый.

Он повернул ключ зажигания, но безрезультатно.

— Придется ручкой,— сказал он.

— Вы с ума сошли! — закричал я.— Вы вспотеете!

— Но надо же ее завести,— уперся больной.— Машина в отличном состоянии.

Он завертел ручку, в машине что-то треснуло, и отвалилось одно колесо.

— Это мелочь,— заверил меня больной.— Сейчас мы поставим колесо на место. Прикрутим...

Он схватил гаечный ключ, но я тут же отнял его.

— Дорогой мой! — сказал я твердо.— Вы должны быть благоразумны. Никакой физической работы! Никакого ремонта!

— Зачем ремонт?! — рассердился больной.— Никакого ремонта не требуется. Подумаешь, колесо! Машина в отличном состоянии!

— Не надо преувеличивать,— сказал я.— Машина вовсе не как новая. Но, на счастье, и состояние вашего здоровья не внушает опасений. Это не значит, однако,— я погрозил ему пальцем,— что к болезни можно относиться легко. Здоровье нужно беречь. Лучше всего лечь в постель на день, на два. Попить чаю с малиной, попринимать витамины...

— Убирайся к черту! — заорал больной.— Чтоб твоего духу здесь не было!

Глаза его покраснели еще больше, и он швырнул меня к двери с такой силой, что я засомневался, действительно ли он болен. Чтоб у меня на этот счет не осталось никаких сомнений, он дал мне затрещину, и я пулей вылетел на улицу.

С сознанием хорошо выполненного долга я вернулся домой. Мое сочувствие помогло, доброе слово лучше всякого лекарства поставило больного на ноги... Я лег в постель и стал прикладывать примочки к больным местам.

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Недавно гостем нашей редакции был молодой, талантливый художник Дьердь Бреннер из венгерского юмористического журнала «Лудаш Мати». Едва переступив порог, он преподнес читателям «Крокодила» свои рисунки (см.), а затем с чувством выполненного долга отправился в солнечную Грузию и в ничуть не хуже освещенную Армению.

Потом, когда, вернувшись в Москву, Дьердь с восторгом рассказывал о поездке, художник-крокодилец К. Невлер, не теряя времени, нарисовал на гостя дружеский шарж (тоже см.).

ПЕРЕД УХОДОМ НА РАБОТУ

— А собственное мнение ты не забыл?

— Видишь, я ведь предупреждала, чтобы ты не приглашал гостей, пока не исправим телевизор!

В РЕСТОРАНЕ

— Послушайте, Ковач, не признаться ли нам, что мы самые настоящие ревизоры? Может быть, тогда нас в конце концов обслужат...

●

— К вам пришел на свидание синьор Росси, — говорит тюремщик заключенному.

— Скажите, что меня нет.

●

Командир говорит перед строем:

— Мне нужны десять добровольцев для выполнения опасного задания.

Тут же один солдат выходит из первого ряда и отходит в сторону.

— Что это значит, Дюпон? — спрашивает командир.

— Я хочу освободить место для добровольцев.

●

На свадебном банкете опоздавший гость спрашивает у молодого человека:

— Простите, это вы молодожен?

— Нет, я выбыл еще в четвертьфинале.

●

Человек пришел наниматься в балет на льду.

— Что вы умеете делать?

— Я делаю восьмерки.

— И все? Это же самая примитивная фигура.

— Да, но я делаю восьмерки совершенно оригинальным образом.

— Каким же?

— Я вычерчиваю правой ногой шестерку, а левой — двойку.

●

— Моя жена только и знает, что просит у меня деньги,— жалуется муж приятелю.— На прошлой неделе ей понадобилось двести рупий, позавчера она потребовала сто двадцать пять, а вчера — сто.

— Это ужасно! — воскликнул приятель.— И что же она делает с этими деньгами?

— Не знаю, я ей их не даю.

●

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Слова, слова...

Пища не человек, ей нельзя отказать в приеме.

Из сетований бюрократа, посаженного на диету.

Старость становится особенно заметной тогда, когда стоимость свечей для именинного пирога становится дороже самого пирога.

Генриэтта Микаэль, бельгийская журналистка.

Жил потому, что не верил в загробную жизнь.

Из выступления на конгрессе долгожителей.

Поскольку дуракам закон не писан, им следует читать хотя бы инструкции.

Иногда второе дыхание приходит вместе с последним вздохом.

Недостаток прирученных в том, что их надо подкармливать.

Рудольф Миль, западногерманский юморист.

— Официант, что это значит? Вы принесли рыбу до супа!

— Шеф-повар сказал, что рыба уже не может ждать.

●

Встречаются две приятельницы.

— А знаешь, я недавно побывала в Италии.

— Как интересно! Скажи, а правда эта страна имеет форму сапога?

●

— Ты прочла молитву деве Марии? — строго спрашивает мать восьмилетнюю дочку.

— Нет, но зато я рассказала ей то, что передавали по телевизору.

●

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

КРОКОДИЛ

№ 33 (2151)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, В. Мохов, К. Невлер, А. Снотаренко, Ю. Степанов, В. Тильман, Ю. Узбянов, М. Ушац, Ю. Черепанов.

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28/X 1975 г. А 08658. Подписано к печати 10/XI 1975 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 850 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 560 900). Изд. № 2743. Заказ № 1352.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА